

Скверная история — эпизод 2 из 4

Леля, желая возбудить в нем ревность, кокетничала вдали с поручиком Набрыдловым, который был пьян, но не как стелька, а так, чуть-чуть, на первом взводе.

К Ногтеву боком подошел ее рара.

Всё рисуете-с? спросил рара. Художеством занимаетесь?

Да.

Тэк-с... Хорошее дело... Дай бог, дай бог... Гм... Бог талант, значит, такой послал. Тэк... У всякого свой талант...

Рара помолчал и продолжал:

А вот вы, молодой человек, знаете ли, вот что вы сделайте, коли вы того... всё рисуете. Вы весной к нам пожалуйста, в деревню. Презанимательные места там есть! Виды, я вам скажу, страсть! Рахваелю таких не доводилось рисовать.

Очень рады будем. Да и дочка с вами так... сдружилась... Э-э-хм... хм...

Ммолодые люди, ммолодые люди! Хе-хе-хе...

Художник поклонился и первого мая сего года, вместе со своими пожитками, покатыл в имение Асловских. Его пожитки состояли из ненужного ящика с красками, жилетки-пике, пустого портсигара и двух сорочек. Принят он был с объятиями самыми распростертыми. Дали в его распоряжение две комнаты, двух холуев, лошадь и всё, что пожелает, лишь бы только надежды подавал.

Он воспользовался своим новым положением как нельзя лучше: ужасно много ел, много пил, долго спал, восхищался природой и не отрывал глаз от Лели.

Леля была больше чем счастлива. Ей он был близок, был молод, хорош, был так робок... так любил! Он был так робок, что не умел подходить к ней, а глядел на нее всё больше издалека, из-за портьеры или из-за кустика.

Робкая любовь! думала Леля, вздыхая...

В одно прекрасное утро ее рара и Ногтев сидели в саду на скамье и беседовали. Рара прохаживался насчет прелестей семейного счастья, а Ногтев терпеливо внимал и глазами искал Лелиного торса.

Вы у отца один сын? спросил, между прочим, папа.

Нет... У меня есть брат, Иван... Славный малый! Прелесть что за человек! Вы не знакомы с ним?

Не имею чести...

Жаль, что вы не знакомы. Он остряк такой, знаете ли, весельчак, душа человек! Литературой занимается. Все редакции его приглашают. В Шуте сотрудничает. Жаль, что не знакомы. Он рад был бы познакомиться... Вот что! Хотите, я напишу, чтоб он сюда приехал? А? Ей-богу! Веселей будет!

Сердце рара от этакого предложения точно дверью прищемило, но нечего делать! нужно было сказать: Очень рад!

Ногтев подпрыгнул в знак своего хорошего расположения и немедленно написал брату приглашение.

Брат Иван не замедлил явиться. Явился он не один, а вкуче со своим другом, поручиком Набрыдловым, и огромнейшим беззубым, старым псом Туркой. Прихватил он их с собой для того, чтобы, как он выражался, дорогой разбойники не напали и выпить было бы с кем. Им отведены были три комнаты, два холуя и одна лошадь на двоих.

Вы, господа, сказал Иван хозяевам, не беспокойтесь о нас! Нам ваших беспокойств не нужно. Нам ни перин, ни соусов, ни фортепианов ничего не нужно! А вот ежели помилосердствуете насчет пивка и водочки, ну... тогда другое дело!

Если вы вообразите себе огромнейшего тридцатилетнего мордастого малого, в парусинной блузе, с паршивенькой бородкой, опухшими глазами и с галстухом в сторону, то вы избавите меня от описания Ивана. Это был несноснейший в мире человек.

Когда он был трезв, он был еще сносен: на кровати лежал и молчал. Пьяный же был он невыносим, как репейник на голом теле. Когда он пьян, он говорит не умолкая, причем сквернословит, не стесняясь ни женским, ни детским присутствием. Говорит он о вшах, клопах, штанах и чёрт знает о чем. Других тем, более новых, у него не водится. Рара, тамап и Леля недоумевали и краснели, когда Иван, сидя за обедом, начинал острить.

К несчастью, во всё свое пребывание в имении Асловских ему ни разу не удалось быть трезвым. Набрыдлов же, маленький куценький поручик, во все лопатки старался походить на Ивана.

Мы с ним не художники! говорил он. Куды нам! Мы мужички!

Иван и Набрыдлов первым делом из барских хором, где им показалось душно, перебрались во флигель к управляющему, который не прочь был выпить с порядочными людьми. Вторым делом, они поснимали сюртуки и защеголяли по двору и по саду без сюртуков. Леле то и дело приходилось в саду наталкиваться на валявшегося под деревом в дезабилье брата или поручика.